

ПЕТРА КУВЕ

Нидерландский Языковой Союз

ОТ ИНДИЙСКОГО АРХИПЕЛАГА ДО ГУЛАГА: СЛАВА МУЛЬТАТУЛИ В РОССИИ

Ключевые слова: Мультатули (Эдуард Дауэс-Деккер), Э. Выгодская, К. Паустовский, В. Астафьев, нидерландская литература XIX в., русская литература XX в., советская детская литература, положительный герой, голландская Ост-Индия, (анти)колониализм, литературное влияние.

Нидерландский писатель Мультатули (Эдуард Дауэс-Деккер, 1820–1887) сыграл значительную роль в русской литературе XX в. Русским читателям он был представлен как «певец свободы», анти-колониалист и «Солженицын XIX века», который на родине не всегда получал ту оценку, которую он заслуживал. Героический пример Мультатули вдохновлял таких значительных русских писателей, как Константин Паустовский и Виктор Астафьев.

PETRA COUVÉE

Dutch Language Union

FROM THE EAST INDIAN ARCHIPELAGO TO THE GULAG: MULTATULI'S FAME IN RUSSIA

Keywords: Multatuli (Eduard Douwes Dekker), E. Vygodskaya, K. Paustovsky, V. Astafyev, Dutch literature 19th century, Russian literature 20th century, children's literature in the Soviet Union, positive hero, Dutch East Indies, (anti)colonialism, literary influence.

The Dutch writer Multatuli (Eduard Douwes Dekker 1820–1887) has played a significant role in 20th century Russian literature. To the Russian reader he was presented as a bold freedom fighter, an anti-colonialist, both a fine

example of a positive hero and a “Solzhenitsyn of the 19th century”, who in his home country was never given the honour he deserved. Multatuli’s heroic example has been emulated by prominent Russian writers such as Konstantin Paustovsky and Viktor Astafyev.

В культуре, в которой страдание и его духовная ценность занимают такое важное место, как в русской, авторский псевдоним, означающий «многострадальный», или «я много вынес», просто не может не попасть в точку. Нидерландский писатель Мультиатули (Эдуард Дауэс-Деккер, 1820–1887) много переводился на русский [Ошис, 1971; Схелтъенс, 2003], влияние его на русскую литературу XX в. очевидно и значительно, в России по сей день чтят его память и считают героем свободного слова. В. В. Битнер еще до революции заложил фундамент русского почитания писателя в биографическом очерке «Мультиатули и его произведения»:

«Этот гениальный писатель, — пишет Битнер, — является „певцом свободы“ в самом широком смысле слова. Он не только боролся за освобождение яванцев из-под европейского ига и потому, по справедливости, должен быть назван голландским Бичер-Стоу, только несравненно более талантливым, чем эта писательница, — но „Мультиатули“ боролся, вообще, против всякого стеснения свободы личности, слова, мысли, — выступал против авторитета, высмеивал устарелые предрассудки, защищал слабых, не поддавался сильным, был любимейшим писателем народа...» [Битнер, 1903. С. VI].

После революции, в советское время «певец свободы» нашел отклик как у сторонников официальной идеологии, так и в кругах диссидентов. Говорят, творчеством Мультиатули интересовался Ленин. Партийные руководители в области искусства рекламировали Мультиатули как положительного героя, борющегося против хищного империализма, заступающегося за угнетенные братские народы, то время как в неофициальных кругах его считали «Солженицыным XIX века», защитником свободы личности и мыслей.

Самой горячей и успешной поборницей литературного наследия Мультиатули в России была, пожалуй, детская писательница Эмма Выгодская (урожденная Хейфец, 1898–1949.) Начав свою де-

тельность как переводчик, она стала известна широкой публике как автор повести «Опасный беглец», действие которой разыгрывается на фоне народного Сипайского восстания в Индии.

«История Эдварда Деккера», романтизированная биография (*vie romancée*) голландского писателя, вышла в свет в 1936 г. тиражом 25 000 экземпляров в серии «Жизнь замечательных людей» [Выгодская, 1936]. Она была предназначена для школьников старшего возраста. Цена: 3 рубля 50 копеек! В 1949 г. была издана книга «Пламя гнева» — сокращенная переработка первоначальной «Истории Эдварда Деккера». В 1953 г. увидел свет ее немецкий перевод «Flamme des Zorns, Die Geschichte des Eduard Dekker», предназначенный для социалистической молодежи. По сообщению Голландского литературоведа Нопа Мааса, рецензировавшего книгу для голландской публики в амстердамском журнале «О Мультатули», немецкий перевод был напечатан «небывало большим тиражом» и выдержал несколько изданий.

«История Эдварда Деккера» представляет собой хронологический обзор жизни Мультатули до публикации «Макса Хавелара» в 1860 г. в четырех частях: «Амстердам, магазин мира», «Голландия в тропиках», «Крушение», «Макс Хавелаар». В слегка переработанном «Пламени гнева» первая глава является ретроспективой. Читатель может следить за Мультатули с момента его прибытия в Паданг (1844) до второго издания «Макса Хавелара».

В России детская книга в качестве педагогического орудия достигла высшего расцвета в коммунистическую эпоху. Государство не жалело ни денег, ни сил, чтобы лепить из детей истинных социалистов. В 1919 г. Максим Горький стал инициатором издания первого советского журнала для детей «Северное сияние». Одновременно ограничение творческой свободы с конца 1920-х гг. заставляло группу «спорных» писателей, таких как Хармс, Введенский, Олеша и других, обращаться к детской литературе. Это дало детской литературе неожиданный новый импульс, в то время как литература для взрослых вынужденно ограничивалась рамками правил социалистического реализма. Для детской литературы 1930-х гг. характерно стремление к экзотике, которое становилось сильнее по мере того, как ограничивалась возможность ездить за рубеж.

Биография Мультатули объединяет оба эти важные элемента: описание приключений и педагогическая направленность. Жизненный путь Мультатули был настолько полон приключений и экзотики, что не мог не захватывать молодой ум. Фигура Мультатули полностью отвечает образу положительного героя как воплощение увлеченного, оптимистичного человека, выступающего в защиту угнетенных людей.

Первая часть «Истории Эдварда Деккера», которая описывает детство писателя в Амстердаме, напоминает классику детской литературы «Ханс Бринкер, или Серебряные коньки» — американскую детскую книгу о Нидерландах, которую никто не знает в Нидерландах. Ни Мэри Мэйпс Додж, ни Эмма Выгодская никогда не бывали в Нидерландах: обе писательницы опираются на знания, почерпнутые из книг. Такие «бумажные» далекие края называются «вычитанными странами», по роману Стивенсона «The Land of Story Books»: страны, в которых ты бывал только в уме. Это Выгодской вполне удалось, кроме какого-то одного немецкого названия, которое для голландцев звучит очень странно. Она создает удачный коктейль из романтики амстердамских каналов, экзотики Инсулинды и пламени освободительной борьбы.

В книге Эдвард быстро берет на себя роль положительного героя в сцене, которая явно моделируется по образцу «Истории Ваутертье Питерсе», другого романа Мультатули. Когда учитель (меестер) Шнаппель просит учеников написать сочинение о том, что делает Нидерланды великой державой (сельдь, какао, Золотой век, голландская добродетельность), молодой Эдвард, в стиле Абеллино, героя романа «Разбойник в Венеции» Мэтью Льюиса, с усердием начинает писать сочинение о прибыльном голландском пиратстве. Но учитель Шнаппель вдруг говорит:

— Неслыханная дерзость! — сказал меестер Шнаппель. *Проси прощения!*

— За что? — спросил Эдвард.

— За дерзкие выдумки и ложь!

— Я написал правду, — сказал Эдвард. — Если бы не пираты...

— *Замолчи!* — сказал меестер Шнаппель. Он хлопнул Эдварда тетрадкой по щеке. — *Проси прощения!*

Эдвард потемнел лицом.

— Не стану! — сказал Эдвард. Он с силой потянул тетрадь к себе.

Все замерли. В дверях Эдвард видел бледное лицо Лины, она с ужасом смотрела на него, прижав обе руки к груди. Тетрадь, разорванная пополам, лежала на полу.

Меестер Шнаппель схватился за парик обеими руками.

— Вон! — закричал меестер Шнаппель. — Ты сам пират!.. Вон из моей школы!.. [Выгодская, 1936. С. 12]

Из этого мятежного «пирата» у Выгодской и рождается положительный герой Мультатули, который играет эту роль на протяжении всего повествования с большим подъемом. Зато история никогда не становится скучной, предсказуемой или нравоучительной. Она имеет скорость и азарт настоящей книги для юношей: босые ноги, копыя, кровь, ядовитые стрелы и истинный борец, типа «Виннету».

Другим пропагандистом творчества Мультатули в России был писатель Константин Паустовский (1892–1968). В 1925 г., когда появилось также первое полное издание «Макса Хавелара», Паустовский написал пламенную речь о писателе в курьезной, слегка шаржированной истории «Королева Голландская», в которой героизм Деккера ярко выделяется на фоне серости голландского неба, скупости купцов и декадентства ее величества [Паустовский, 1972. С. 51–55].

История жизни Мультатули рассказана от лица голландского моряка, плававшего в Нидерландскую Индию, где он услышал о великом писателе от туземца, чистильщика сапог. Тридцать лет спустя Паустовский включил другую биографию Мультатули в повесть «Золотая Роза» [Паустовский, 1967]. Неизвестно, знал ли Паустовский роман Выгодской, а также неизвестно, была ли Выгодская в курсе раннего рассказа Паустовского о Мультатули и Нидерландах. Зато поразительно, что оба заканчивают свои истории предупреждением, обращенным к нидерландским властям, о взрывной силе литературного наследия Мультатули. Выгодская пишет: «И Ван-Гронниус вдруг почувствовал ненависть к этому имени, словно под его плантацию, под цветники, под белый дом прочной голландской стройки этот Мультатули подложил заряд динамита». У Паустовского говорится: «Рукописи были изданы

в таком количестве экземпляров и по такой недоступной цене, что это было равносильно их уничтожению. Голландские купцы и власти не могли чувствовать себя спокойно, пока эта пороховая бочка была не у них в руках».

В конце своей истории Паустовский выражает надежду что, в независимой Индонезии Мультиатули будет оценен по заслугам. Действительно, так и произошло. Индонезийский писатель Прамудья Ананта Тур является его большим поклонником. Нидерландский биограф Мультиатули Дик ван дер Мелен пишет, что в Рангкас-Бетунге (Лебак) каждый человек, даже не читавший романа «Макса Хавелара», знает Мультиатули как «борца за независимость Индонезии», и что в городе есть даже «Jalan Мультиатули» — улица Мультиатули [Ван дер Мелен, 2002. С. 302–303].

Первые русские почитатели Мультиатули единодушны в том, что в родной стране писатель не получил должного признания. Сочувствие голландскому писателю объясняется также тем, что роман «Макс Хавелар» подвергался цензуре: книга стала доступной для широкой публики только через лет десять после ее выхода в свет. Примечательно, что поздние русские поклонники упорно настаивают на этом мнении, несмотря на то, что в Нидерландах роман уже давно опубликован. О сохранении памяти о писателе заботятся общество Мультиатули, музей Мультиатули, фонд Мультиатули, комиссия Мультиатули, и ему установлен бюст, выпущена марка с его портретом...

Стоит упомянуть, что так открыто и щедро, как в России, героев не почитают нигде в мире. В годы советской власти в России в ранг героев было возведено огромное множество людей, после которых остались знаки их почитания: статуи, бюсты, мемориальные доски, значки, плакаты, баннеры, надгробные плиты со свежими цветочками и дома-музеи.

Возмущение непризнанием Мультиатули в Голландии отчетливо звучит в рассказе его позднего поклонника, сибирского деревенского писателя Виктора Астафьева (1924–2001). Один из его «Затесов», называющийся «Мультиатули», посвящен совершенной Астафьевым в 1990 г. поездке в Голландию по приглашению издательства «Меленхофф» (упомянутого в тексте как «Мехелен») [Астафьев, Затесы, тетрадь шестая].

«В далеком-далеком детстве, на далеком-далеком Севере, в длинные заполярные ночи, читал я книги, какие мне посылала судьба, какие я мог достать, выпросить и даже украсть. Какими судьбами, откуда попала мне книга из серии „Жизнь замечательных людей“ — о голландском писателе Эдварде Деккере, по прозвищу Мультадули, что значит в переводе с малазийского — мученик, а с латинского — „много пережил“, по-нашему выходит почти Максим Горький, сейчас не вспомню. <...>

А годы шли, жизнь перевалила за середину, и сам я в чем-то повторял судьбу Мультадули, сделался литератором, и отчего-то обратило на меня внимание голландское издательство „Мехелен“, принадлежащее Мартину Ашеру (ПК Maarten Asscher) <...>

Однажды издатель решил пригласить меня в гости, в Голландию, и сделал это не через Союз писателей, где была мода вместо приглашенных писателей ездить в гости секретарям, консультантам и вообще „своим людям“. Приглашение он послал в контору по защите авторских прав, где меня и снарядили в путь-дорогу, даже гильденов дали, не своих, конечно, а мною же заработанных и на мое имя за книги переведенных. И хотя гонорар был весь оципан и обрезан родным государством и верными его слугами, я все равно чувствовал себя если не богатым, то хотя бы относительно независимым человеком.

В Голландии, в Амстердаме меня хорошо встретили и разместили в небольшом уютненьком отеле Амвассад, давши ключ от подъезда, где размещалось несколько номеров, в том числе и мой, но никакой бумаги, никаких программ мне не вручили, и я, привыкший жить по указке и согласно плану, на котором указано: когда спать ложиться, когда вставать, когда завтракать, обедать, какие и где мероприятия проводить, — несколько даже растерялся от такой воли и, никем и ничем „не охваченный“, почувствовал себя почти неудобно».

Далее читатель знакомится со спутниками Астафьева, фотографом и переводчиком с русского, и идет вместе с автором вдоль каналов Амстердама, мимо паба «Петр Великий», мимо уток в канале... Пока Астафьев «глубоко в дебрях города» вдруг не сталкивается с бюстом своего великого наставника на мосту Торенслейс, перекинутом через канал Сингел.

«И чем далее я углублялся в дебри города, тем причудливей, тем ажурней становились мостики через каналы, большей частью уже отделенные от улиц, неосвященные или освещенные совсем скупо. Так вот, перейдя один мостик, кружевным литьем перекинутый замостьем далее, чем другие мостики, я заметил меж квадратно посаженных кленов чуть освещенную, листьями присыпанную, сиротливую скульптуру, прошел уже было ее, как вдруг что-то заставило меня замедлить шаги, остановиться, затем и вернуться.

Скульптура была откована из меди в виде кленового листа и вся уже озеленела под лист летнего налива, покрылась купоросной плесенью, по стокам и завалам совсем отемнелой. Кто-то, скорее всего садовник или дворник, обмел скульптуру мягкой, просяной или тростниковой метлою — на медном пояске, в который острием листа упиралась скульптура, читалось отчетливо: „МУЛЬГАТУЛИ“.

Более никаких здесь сведений об Эдварде Деккере не содержалось, ни столбиков, ни табличек, ни загороди, ни велеречивых слов, даже скамеек никаких не было, только мостик да недвижимый канал с пестро в нем плавающей листвой, да белые чайки и утки, спящие на воде.

„И правильно! — думал я, — зачем национальному герою или родному дитю писать паспортные данные на могиле — его и так должны знать, любить и помнить...“

Я долго всматривался в оплывший зеленью памятник. Неяркое освещение, напавшие листья усиливали мотив одиночества этого человека-скитальца, как бы укрывшегося в тень и гущу деревьев от людей и городского шума. Благородные черты усталого, испитого лица с темными от зелени, почти уже почерневшими глазами, притемненные усы и узкая, клинышком борода придавали скульптуре вид древней, покорной молчаливости, но сквозь наслоения окиси, сквозь толщу листьев на плечах и на голове блестками просверкивала яркая медь, мокро блестело слово „МУЛЬГАТУЛИ“, как бессмертное дыхание неугасающего, хоть и умолкшего времени. <...>

Назавтра я спросил у журналиста, у русской переводчицы, наконец, у своего издателя о Мультатули, об Эдварде Декке-

ре — замечательном путешественнике и писателе — никто ничего не знал и не слышал о человеке редчайшей судьбы и даже о памятнике ему, найденном мною ночью в глубинах старого Амстердама, никто ничего внятно сказать не мог.

В последующие дни мне предстояло открыть маленькую, ухоженную страну, погруженную в сытое равнодушие ко всему, что не касалось домашнего очага, семейного благополучия, своего кормного корыта, в том числе и истории своей».

В декабре 2002 г. в газете «Столичные новости» появилась статья, написанная Вадимом Скуратовским [Скуратовский, 2002]. В этой статье автор ставит под сомнение широко распространенное мнение о влиянии Горького на творчество Астафьева. И вдруг — *deus ex machina* — Скуратовский выдвигает новый тезис о том, что решающее влияние на писателя-Астафьева имел Дауэс-Деккер. Из статьи трудно понять, основана ли теория Скуратовского на личных разговорах с Астафьевым, на документах или он сам это придумал. В любом случае, он в значительной мере опирается на затес Астафьева «Мультатули».

«Голландский писатель Эдуард Дауэс Деккер. Более известный под псевдонимом Мультатули, то есть „много перенесший“. Мультатули — Солженицын XIX века. Это не метафора, а компаративистика. <...>

Молодой Эдуард Деккер в поисках заработка уехал из Европы, как говорили тогда, в Малайскую Индию и даже стал там видным чиновником колониальной администрации. И вот он всмотрелся во все круги колониального ада — и ужаснулся. А потом и возмутился. Голландская администрация после множества жестоких интриг избавилась от этого строптивого сановника, и Деккер, нищий, больной, потеряв карьеру, а затем и семью, возвращается в Европу. И бешено работая, создает там, вопреки нищете и интригам, свой так сказать, индонезийский „Архипелаг ГУЛАГ“ XIX века. Яростное сочетание неопровержимой и неимоверной в своих ужасах фактичности и самой трагической лирики. <...>

Тот голландский писатель и стал тайным литературным наставником Виктора Астафьева. Русский мальчик с крестьян-

ской каторги Северного полушария, по загадочным законам или случайностям упомянутой компаративистики, и натолкнулся на голландское, но дантовской силы изображение такой же каторги — но уже в Южном полушарии.

Якобы „детская повесть“ Эммы Иосифовны Выгодской, а затем уже и непосредственное астафьевское знакомство с литературой ее героя. Жаркая Сибирь — та „Голландская Индия“. Яростный ее оппонент Деккер-Мультатули. Происходит литературный синтез в собственно Сибири».

И, сгущая краски, Вадим Скуратовский заканчивает статью:

«В 1990-х Виктор Петрович наконец-то приехал в Голландию. Вроде для того, чтобы там издать переводы своих сочинений. А на самом деле — возложить цветы к памятнику Эдуарда Дауэса-Деккера в Амстердаме. Писатель спросил своих переводчиков: „Где у вас здесь тот памятник?“ — „Не слышали ничего, не знаем“. Изъездил на такси весь город. Никто ничего не знает, не помнит. И вдруг таксист вспомнил: „Какой-то памятник в таком-то парке“.

В том парке стоял без пьедестала бронзовый Деккер-Мультатули. Виктор Петрович подошел к нему, постоял и помолчал. И сразу же уехал на встречу со своим голландским издателем. Понятно, опоздал. Говорит: „Ездил к памятнику Деккера“. В ответ: „А кто такой этот Деккер?“»

* * *

В своей книге «Идеи» под номером 590 Мультатули пишет: «Надо ли увековечивать труды сегодняшние памятниками в будущем? Не лучше ли людям жить... до того, как они умрут?»

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев В. Затёсы, тетрадь шестая, последняя народная симфония. «Мультатули» [Электронный источник]. URL: http://lib.meta.ua/?book_id=13851.

Битнер В. В. Мультатули и его произведения, критико-биографический очерк // Читальня «Вестника Знания». СПб., 1903. С. VI.

- Ван дер Мелен Д. Мультатули: Жизнь и произведения Эдуарда Дуаэса Деккера (Meulen D. van der. Multatuli. Leven en werken van Eduard Douwes Dekker). Nijmegen, 2002. Pp. 302–303.
- Выгодская Э. И. История Эдварда Деккера. Л.: Детиздат, 1936. 236 с.
- Ошис В. В. Мультатули, библиографический указатель. М.: Книга, 1971. 40 с.
- Схелтъянс В. Библиография нидерландской литературы на русском языке. СПб.: Алетейя, 2003. 302 с.
- Паустовский К. Рассказы, очерки, публицистика. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства. М.: Художественная литература, 1972. 526 с.
- Паустовский К. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 3: Повести. М.: Художественная литература, 1967. 526 с.
- Скуратовский В. «Писатель» Виктор Астафьев, или Печальный компаратив // Столичные новости. № 146 (242). 03.09.2002.

REFERENCES

- Astaf'ev V. *Zatesy, tetrad' shestaia, posledniaia narodnaia simfoniia. «Mul'tatuli»* [Notches, notebook 6, The Last Popular Symphony]. URL: http://lib.meta.ua/?book_id=13851.
- Bitner V.V. *Mul'tatuli i ego proizvedeniia, kritiko-biograficheskii ocherk* [Multatuli and His Work, a Critical and Biographical Sketch]. Chital'nia «Vestnika Znaniia». St. Petersburg, 1903, s. VI.
- Meulen D. van der. Multatuli. Leven en werken van Eduard Douwes Dekker [Multatuli. Life and Works of Eduard Douwes Dekker]. Nijmegen, 2002, s. 302–303.
- Vygodskaia E.I. *Istoriia Edvarda Dekkera* [The History of Edvard Dekker]. Leningrad, Detizdat Publ., 1936, 236 s.
- Oshis V.V. *Mul'tatuli, bibliograficheskii ukazatel'* [Multatuli, Bibliographical Index]. Moscow, Kniga Publ., 1971, 40 s.
- Scheltjens W. *Bibliografiia niderlandskoi literatury na russkom iazyke* [Bibliography of Dutch Literature in Russian Translation]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2003, 302 s.
- Paustovskii K. *Rasskazy, ocherki, publitsistika. Stat'i i vystupleniia po voprosam literatury i iskusstva* [Stories, Sketches, Publicistic Writings. Articles and Speeches on Literature and Art]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972, 526 s.
- Paustovskii K. *Sobranie sochinenii v 8-mi tomakh* [Collected Works]. T. 3: *Povesti* [Vol. 3, Tales]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967, 526 s.

Skuratovskii V. «Pisatel'» Viktor Astaf'ev, ili Pechal'nyi komparativ ["The Writer" Viktor Astafyev, or the Sad Comparative]. *Stolichnye novosti*, № 146 (242), 03.09.2002.

Куве Петронелла Ингрид

Нидерландский Языковой Союз, преподаватель

Petra Couvée

Dutch Language Union, Teacher of Dutch.

Lange Voorhout, 19, 2514 EB Den Haag, Nederland

E-mail: pcouvee@mail.ru